

ВЫСТУПЛЕНИЕ И. БРОДСКОГО ПЕРЕД ВЫПУСКНИКАМИ МИЧИГАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Старайтесь уважать жизнь.

«Мой тайный доклад», — иронизировал Иосиф Бродский по поводу своей речи, с которой он выступил перед выпускниками Мичиганского университета (Анн-Арбор, май 1988 го-

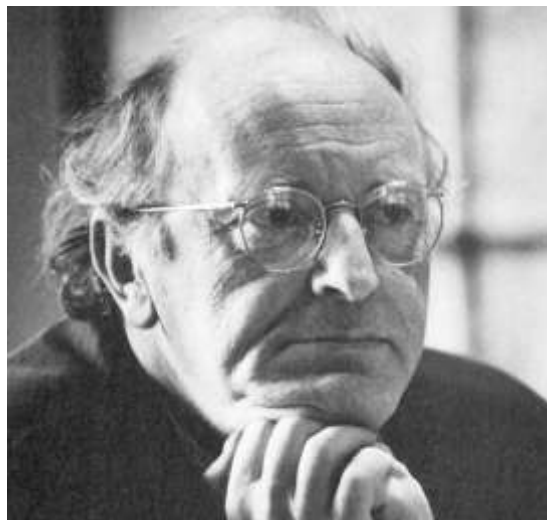
да).

Семь последующих лет «Речь на стадионе» не обнародовали на английском языке — её сочли «неуместной» и «политически некорректной», усмотрев в ней «реакционность» и даже «расизм».

В переводах спич публиковали не раз, но большинство публикаций имели бледный вид «журнального варианта», отредактированного и сокращённого.

Иосиф Бродский — вне времени и пространства; его напутствие ничуть не потеряло своей значимости и теперь, и для выпускников любого университета. Сегодня, 24-го мая, «МедиаПорт» воспроизводит «Speech at the Stadium», адресуя её тем, кто в ближайшие дни получит на руки заветный диплом, — напоминая об иных заветах.

NB. Не стоит и говорить, что сокращение текстов поэта «МедиаПорт» считает восьмым смертным грехом.

Жизнь — игра со многими правилами, но без рефери. Мы узнаём, как в неё играть, скорее наблюдая её, нежели справляясь в какой-нибудь книге, включая Священное Писание. Поэтому неудивительно, что столь многие играют нечестно, столь немногие выигрывают, столь многие проигрывают.

В любом случае, если это место — Мичиганский университет, Анн Арбор, штат Мичиган, который я помню, то можно с уверенностью предположить, что вы, его выпускники, ещё меньше знакомы с Писанием, чем те, кто сидел на этих трибунах, скажем, 16 лет назад, когда я отважился ступить на это поле впервые.

Для моих глаз, ушей и ноздрей это место — всё ещё Анн Арбор; оно синет — или кажется синим, — как Анн Арбор; оно пахнет, как Анн Арбор (хотя должен признать, что в воздухе сейчас меньше марихуаны, чем бывало раньше, и это на миг повергает в смущение старого аннарборца). Таким образом, оно выглядит Анн Арбором, где я провёл часть моей жизни — лучшую, как мне кажется, часть — и где 16 лет назад ваши предшественники почти ничего не знали о Библии.

Когда я вспоминаю моих коллег, когда я сознаю, что творится с университетскими учебными программами по всей стране, когда я отдаю себе отчёт в давлении, которое так называемый современный мир оказывает на молодёжь, я чувствую ностальгию по тем, кто сидел на ваших стульях десятков или около того лет назад, потому что некоторые из них по крайней мере могли процитировать десять заповедей, а иные даже помнили названия семи смертных грехов. Но как они распорядились этими драгоценными знаниями впоследствии и насколько преуспели в игре, я не имею никакого понятия. Я лишь могу надеяться, что в итоге человек богаче, если он руководствуется правилами и табу, установленными кем-то совершенно неосязаемым, а не только Уголовным кодексом.

Поскольку вам, по всей вероятности, ещё рано подводить итоги и поскольку преуспевание и приличное окружение — то, к чему вы, по-видимому, стремитесь, вам было бы невречно познакомиться с этими заповедями и перечнем грехов. Их в общей сложности 17, и некоторые из них частично совпадают. Конечно, вы можете возразить, что они принадлежат вероучению со значительной традицией насилия. Всё же, если говорить о верах, эта представляется наиболее терпимой; она заслуживает вашего рассмотрения хотя бы потому, что породила общество, в котором у вас есть право подвергать сомнению или отрицать её ценность.

Но я здесь не для того, чтобы превозносить добродетели какой-либо конкретной веры или философии, и я не получаю удовольствия, как, видимо, многие, от возможности подвергнуть нападкам современную систему образования или вас, её предполагаемых жертв. Во-первых, я не воспринимаю вас таковыми. Во-вторых, в определённых областях ваши знания неизмеримо выше моих или любого представителя моего поколения. Я рассматриваю вас как группу молодых разумно-эгоистичных душ накануне очень долгого странствия. Я содрогаюсь при мысли о его длине и спрашиваю себя, чем бы я мог быть вам полезен? Знаю ли я нечто о жизни, что могло бы помочь вам или иметь для вас значение, и если я что-то знаю, то есть ли способ передать эту информацию вам?

Ответ на первый вопрос, я думаю, «да» — не столько потому, что человеку моего возраста положено быть хитрее любого из вас в шахматах существования, сколько потому, что он, по всей вероятности, устал от массы вещей, к которым вы только стремитесь. (Одна эта усталость есть нечто, о чём молодых следует предупредить как о сопутствующей черте и их полного успеха, и их поражения; знание такого рода может усилить удовольствие от первого, а также скрасить последнее.) Что касается второго вопроса, я, по правде сказать, в затруднении. Пример вышеупомянутых заповедей

может озадачить любого напутствующего оратора, ибо сами десять заповедей были напутственной речью, буквально — заповеданием. Но между поколениями существует прозрачная стена, железный занавес иронии, если угодно, видимая насквозь завеса, не пропускающая почти никакой опыт. В лучшем случае, отдельные советы.

Поэтому рассматривайте то, что вы сейчас услышите, просто как советы верхушки нескольких айсбергов, если так можно сказать, а не горы Синай. Я не Моисей, вы тоже не ветхозаветные евреи; эти немного беспорядочные наброски, нацарапанные в жёлтом блокноте где-то в Калифорнии, — не скрижали. Проигнорируйте их, если угодно, подвергните их сомнению, если необходимо, забудьте их, если иначе не можете: в них нет ничего обязательного. Если кое-что из них сейчас или в будущем вам пригодится, я буду рад. Если нет, мой гнев не настигнет вас.

1. И теперь и в дальнейшем, я думаю, имеет смысл сосредоточиться на точности вашего языка. Старайтесь расширять свой словарь и обращаться с ним так, как вы обращаетесь с вашим банковским счётом. Уделяйте ему много внимания и старайтесь увеличить свои дивиденды.

Цель здесь не в том, чтобы способствовать вашему красноречию в спальне или профессиональному успеху — хотя впоследствии возможно и это, — и не в том, чтобы превратить вас в светских умников. Цель в том, чтобы дать вам возможность выразить себя как можно полнее и точнее; одним словом, цель — ваше равновесие. Ибо накопление невыговоренного, невысказанного должным образом может привести к неврозу.

С каждым днём в душе человека меняется многое, однако способ выражения часто остаётся одним и тем же. Способность изъясняться отстаёт от опыта. Это пагубно влияет на психику. Чувства, оттенки, мысли, восприятия, которые остаются неназванными, произнесёнными и не довольствуются приблизительностью формулировок, скапливаются внутри индивидуума и могут привести к психологическому взрыву или срыву.

Чтобы этого избежать, не обязательно превращаться в книжного червя. Надо просто приобрести словарь и читать его каждый день, а иногда —

и книги стихов. Словари, однако, имеют первостепенную важность. Их много вокруг; к некоторым прилагается луна. Они достаточно дешёвы, но даже самые дорогие среди них (снабжённые лупой) стоят гораздо меньше, чем один визит к психиатру. Если вы всё же соберётесь посетить психиатра, обращайтесь с симптомами словарного алкоголизма.

2. И теперь, и в дальнейшем старайтесь быть добрыми к своим родителям. Если это звучит слишком похоже на «Почитай отца твоего и мать твою», ну что ж. Я лишь хочу сказать: старайтесь не восставать против них, ибо, по всей вероятности, они умрут раньше вас, так что вы можете избавить себя по крайней мере от этого источника вины, если не горя.

Если вам необходимо бунтовать, бунтуйте против тех, кто не столь легко раним. Родители — слишком близкая мишень (так же, впрочем, как братья, сёстры, жены или мужья); дистанция такова, что вы не можете промахнуться. Бунт против родителей со всеми его я-не-возьму-у-вас-ни-гроша, по существу, чрезвычайно буржуазное дело, потому что оно даёт бунтовщику наивысшее удовлетворение, в данном случае — удовлетворение душевное, даваемое убеждённостью. Чем позже вы встанете на этот путь, тем позже вы станете духовным буржуа; то есть, чем дольше вы останетесь скептиком, сомневающимся, интеллектуально неудовлетворённым, тем лучше для вас.

С другой стороны, конечно, это мероприятие с не-возьму-ни-гроша имеет практический смысл, поскольку ваши родители, по всей вероятности, завещают всё, что они имеют, вам — и удачливый бунтовщик в конце концов получит всё состояние целиком; другими словами, бунт — очень эффективная форма сбережения. Хотя процент убыточен; и я бы сказал, ведёт к банкротству.

3. Старайтесь не слишком полагаться на политиков — не столько потому, что они неумны или бесчестны, как чаще всего бывает, но из-за масштаба их работы, который слишком велик даже для лучших среди них, — на ту или иную политическую партию, доктрину, систему или их проекты. Они могут в лучшем случае несколько уменьшить социальное зло, но не искоренить его. Каким бы существенным ни было улучшение, с этической точки зрения оно всегда будет пренебрежимо мало, потому что всегда будут те — хотя бы один человек, — кто не получит выгоды от этого улучшения.

Мир несовершенен; Золотого века никогда не было и не будет. Единственное, что произойдёт с миром, — он станет больше, то есть многлюднее, не увеличиваясь в размерах. Сколь бы справедливо человек, которого вы выбрали, ни обещал поделить пирог, он не увеличится в размерах; порции обязательно станут меньше.

В свете этого — или, скорее, в потёмках — вы должны полагаться на собственную домашнюю стряпню, то есть управлять миром самостоятельно — по крайней мере, той его частью, которая вам доступна и находится в пределах вашей досягаемости.

Однако, осуществляя это, вы также должны подготовиться к горестному осознанию, что даже вашего собственного пирога не хватит; вы должны подготовиться к тому, что вам, по всей вероятности, придётся отведать в равной мере и благодарности и разочарования.

Здесь самый трудный урок для усвоения — не терять усердия на кухне, ибо, подав этот пирог хотя бы однажды, вы создаёте массу ожиданий. Спросите себя, по силам ли вам такая бесперебойная поставка пирогов, или вы больше рассчитываете на политиков?

Каков бы ни был исход этого самокопания — может ли мир положиться на вашу выпечку? — начните уже сейчас настаивать на том, чтобы все эти корпорации, банки, школы, лаборатории, или где вы там будете работать и чьи помещения отапливаются и охраняются полицией круглые сутки, впустили бездомных на ночь, сейчас, когда зима.

4. Старайтесь не выделяться, старайтесь быть скромными. Уже и сейчас нас слишком много — и очень скоро будет много больше. Это карабканье на место под солнцем обязательно происходит за счёт других, которые не станут карабкаться. То, что вам приходится наступать кому-то на ноги, не означает, что вы должны стоять на их плечах.

К тому же, всё, что вы увидите с этой точки — человеческое море плюс тех, кто, подобно вам, занял сходную позицию — видную, но при этом очень ненадежную: тех, кого называют богатыми и знаменитыми.

Вообще-то, всегда есть что-то неприятное в том, чтобы быть благополучнее тебе подобных, особенно когда этих подобных миллиарды. К этому следует добавить, что богатых и знаменитых в наши дни тоже толпы и что там, наверху, очень тесно. Так что, если вы хотите стать богатыми, или знаменитыми, или и тем и другим, в добрый час, но не отдавайтесь этому целиком.

Жажда чего-то, что имеет кто-то другой, означает утрату собственной уникальности; с другой стороны, это, конечно, стимулирует массовое производство. Но, поскольку вы проживаете жизнь одиножды, было бы разумно избегать наиболее очевидных клише, включая подарочные издания.

Сознание собственной исключительности, имейте в виду, также подрывает вашу уникальность, не говоря о том, что оно сужает ваше чувство реальности до уже достигнутого. Толкаться среди тех, кто, учитывая их доход и внешность, представляет — по крайней мере теоретически — неограниченный потенциал, много лучше членства в любом клубе.

Старайтесь быть больше похожими на них, чем на тех, кто на них не похож; старайтесь носить серое. Мимикрия есть защита индивидуальности, а не отказ от неё. Я посоветовал бы вам также говорить потише, но, боюсь, вы сочтёте, что я зашёл слишком далеко.

Однако помните, что рядом с вами всегда кто-то есть: ближний. Никто не просит вас любить его, но старайтесь не слишком его беспокоить и не делать ему больно; старайтесь наступать ему на ноги осторожно; и, если случится, что вы пожелаете его жену, помните по крайней мере,

что это свидетельствует о недостатке вашего воображения, вашем неверии в безграничные возможности жизни или незнании их.

На худой конец, постарайтесь вспомнить, из какого далека — от звёзд, из глубин Вселенной, возможно, с её противоположного конца — пришла просьба не делать этого, равно как и идея возлюбить ближнего как самого себя. По-видимому, звезды знают больше о силе тяготения, а также и об одиночестве, чем вы; ибо они — глаза желания.

5. Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы. Из всех частей тела наиболее бдительно следите за вашим указательным пальцем, ибо он жаждет обличать. Указующий перст есть признак жертвы — в противоположность поднятым в знаке Victoria среднему и указательному пальцам, он является синонимом капитуляции.

Каким бы отвратительным ни было ваше положение, старайтесь не винить в этом внешние силы: историю, государство, начальство, расу, родителей, фазу луны, детство, несвоевременную высадку на горшок и т. д. Меню обширное и скучное, и сами его обширность и скука достаточно оскорбительны, чтобы восстановить разум против пользования им. В момент, когда вы возлагаете вину на что-то, вы подрываете собственную решимость что-нибудь изменить; можно даже утверждать, что жаждущий обличения перст мечется так неустово, потому что эта решимость не была достаточно твёрдой.

В конце концов, статус жертвы не лишён своей привлекательности. Он вызывает сочувствие, наделяет отличием, и целые страны и континенты нежатся в сумраке ментальных скидок, преподносимых как сознание жертвы. Существует целая культура жертвы, простирающаяся от личных адвокатов до международных займов. Невзирая на заявленную цель этой системы, чистый результат ее деятельности — заведомое снижение ожиданий, когда жалкое преимущество воспринимается или провозглашается крупным достижением.

Конечно, это терапевтично и, учитывая скудость мировых ресурсов, возможно, даже гигиенично, так что за неимением лучшего материала можно удовольствоваться таким — но старайтесь этому сопротивляться. Какой бы исчерпывающей и неопровержимой ни была очевид-

ность вашего проигрыша, отрицайте его, покуда ваш рассудок при вас, покуда ваши губы могут произносить «нет».

Вообще, старайтесь уважать жизнь не только за её прелести, но и за её трудности. Они составляют часть игры, и хорошо в них то, что они не являются обманом. Всякий раз, когда вы в отчаянии или на грани отчаяния, когда у вас неприятности или затруднения, помните: это жизнь говорит с вами на единственном хорошо ей известном языке. Иными словами, старайтесь быть немного мазохистами: без привкуса мазохизма смысл жизни неполон.

Если это вам как-то поможет, старайтесь помнить, что человеческое достоинство — понятие абсолютное, а не разменное; что оно несовместимо с особыми просьбами, что оно держится на отрицании очевидного.

Если вы найдёте этот довод несколько опрометчивым, подумайте по крайней мере, что, считая себя жертвой, вы лишь увеличиваете вакуум безответственности, который так любят заполнять демоны и демагоги, ибо парализованная воля — не радость для ангелов.

б. Мир, в который вы собираетесь вступить, не имеет хорошей репутации. Он лучше с географической, нежели с исторической точки зрения; он всё ещё гораздо привлекательнее визуально, нежели социально. Это не милое местечко, как вы вскоре обнаружите, и я сомневаюсь, что оно станет намного приятнее к тому времени, когда вы его покинете.

Однако это единственный мир, имеющийся в наличии: альтернативы не существует, а если бы она и существовала, то нет гарантии, что она была бы намного лучше этой. Там, снаружи, — джунгли, а также пустыня, скользкий склон, болото и т. д. — буквально — но, что хуже, и метафорически. Однако, как сказал Роберт Фрост: «Лучший выход — всегда насквозь». И ещё он сказал, правда, в другом стихотворении, что «жить в обществе значит прощать». Несколькими замечаниями как раз об этом деле прохождения насквозь я хотел бы закончить.

Старайтесь не обращать внимания на тех, кто попытается сделать вашу жизнь несчастной. Таких будет много — как в официальной должности, так и самоназначенных. Терпите их, если вы не можете

их избежать, но как только вы избавитесь от них, забудьте о них немедленно.

Прежде всего старайтесь не рассказывать историй о несправедливом обращении, которое вы от них претерпели; избегайте этого, сколь бы сочувственной ни была ваша аудитория. Рассказни такого рода продлевают существование ваших противников: весьма вероятно, они рассчитывают на то, что вы словоохотливы и сообщите о вашем опыте другим.

Сам по себе ни один индивидуум не стоит упражнения в несправедливости (или даже в справедливости). Отношение один к одному не оправдывает усилия: ценно только эхо. Это главный принцип любого притеснителя, спонсируется ли он государством, или руководствуется собственным я. Поэтому гоните или глушите эхо, не позволяйте событию, каким бы неприятным или значительным оно ни было, занимать больше времени, чем ему потребовалось, чтобы произойти.

То, что делают ваши неприятели, приобретает своё значение или важность от того, как вы на это реагируете. Поэтому промчитесь сквозь или мимо них, как если бы они были жёлтым, а не красным светом. Не задерживайтесь на них мысленно или вербально; не гордитесь тем, что вы простили или забыли их, — на худой конец, первым делом забудьте. Так вы избавите клетки вашего мозга от бесполезного возбуждения; так, возможно, вы даже можете спасти этих тупиц от самих себя, ибо перспектива быть забытым короче перспективы быть прощённым. Переключите канал: вы не можете прекратить вещание этой сети, но в ваших силах, по крайней мере, уменьшить её рейтинг.

Это решение вряд ли понравится ангелам, но оно непременно нанесёт удар по демонам, а в данный момент это самое важное.

Здесь мне лучше остановиться. Я буду рад, если вы сочтёте то, что я сказал, полезным. Если нет, это покажет, что вы подготовлены к будущему гораздо лучше, чем можно было бы ожидать от людей вашего возраста. Что, я полагаю, также является основанием для радости — не для опасений. В любом случае — хорошо вы подготовлены или нет — я желаю вам удачи, потому что и так впереди у вас не праздники — и вам понадобится удача. Однако, я думаю, вы справитесь.

Я не цыганка; я не могу предсказать ваше будущее, но невооружённым глазом видно, что в вашу пользу говорит многое. Во-первых, вы родились, что само по себе половина дела, и вы живёте в демократии — этом доме на полдороге между кошмаром и утопией, — которая чинит меньше препятствий на пути индивидуума, чем её альтернативы.

Наконец, вы получили образование в Мичиганском университете, лучшем, на мой взгляд, университете страны, хотя бы потому, что 16 лет назад он предоставил крайне необходимую возможность самому ленивому человеку на Земле, который к тому же практически не говорил по-английски, — вашему покорному слуге. Я преподавал здесь лет восемь; язык, на котором я сегодня обращаюсь к вам, я выучил здесь; некоторые из моих бывших коллег всё ещё служат, другие на пенсии, а третьи спят вечным сном в земле Анн Арбора, по которой теперь ходите вы. Ясно, что это место имеет для меня чрезвычайную сентиментальную ценность; и столь же много оно будет значить лет через десять для вас. До этой степени я могу предсказать ваше будущее; в этом отношении я знаю, что вы не пропадёте или, точнее, вас ждёт успех. Ибо ощущение тёплой волны, накатывающей на вас лет через десять при упоминании этого города, будет означать — неважно, повезло вам или нет, — что как человеческие существа вы состоялись. Именно такого рода успеха в будущем я и желаю вам прежде всего. Остальное зависит от удачи и имеет меньшее значение.

1988, Ann Arbor, Michigan

Перевод текста «Speech at the Stadium» выполнен Еленой Касаткиной в 1997 г. по изданию: Joseph Brodsky. On Grief and Reason. ..., 1995.